

Диана Фурсова

РАЗВОД
— С ЛЕДЯНЫМ —
ДРАКОНОМ

ПРИЮТ ДЛЯ ЕГО
ЗАБЫТЫХ ПТЕНЦОВ

Диана Фурсова

Развод с ледяным драконом. Приют для его забытых птенцов

<https://litres.ru/74205722>

Аннотация

Он развёлся со мной при всём Совете.

Холодно. Ровно. Так, будто я была не женой, а ошибкой, которую наконец решили исправить.

В качестве последней «милости» ледяной дракон отдал мне старый приют на окраине Вельсгара — заброшенный Дом Семи Крылец, куда после заката не ходят даже самые смелые.

Он думал, я не выдержу там и недели.

Только в первую же ночь я нашла под лестницей ребёнка с драконьими крыльями. Потом второго. Третьего. Пятерых забытых птенцов, вычеркнутых из родовых книг и спрятанных от всего мира.

Теперь этот дом — мой. Эти дети — под моей защитой. А бывший муж слишком поздно понял: вместе со мной он отдал не развалину.

Он отдал тайну, за которую Совет готов разрушить всё.

И если ледяной дракон хочет войти в мой дом, ему придётся впервые в жизни не приказывать, а просить.

Содержание

Глава 1. Развод в Ледяном зале	5
Глава 2. Дом, который не хотел умирать	26
Глава 3. Пятеро под чужой крышей	56
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1. Развод в Ледяном зале

Я очнулась в тот миг, когда мой муж сказал, что больше не желает видеть меня своей женой.

Голос у него был красивый, низкий, спокойный до жестокости. Таким голосом, наверное, объявляли приговоры тем, кого не собирались спасать. Он не сорвался, не дрогнул, не стал громче, чем требовал огромный зал, но каждое слово разлетелось под высоким сводом так ясно, будто стены сами подхватили его и понесли дальше, к рядам молчаливых свидетелей.

— Илара Вейра не соответствует положению супруги главы рода Морнхольд, — произнёс он. — Наш союз был ошибкой, которую я сегодня исправляю перед Советом.

Я сидела в кресле с высокой резной спинкой и не сразу поняла, что говорят обо мне.

Вернее, не обо мне — о женщине, в чьём теле я только что открыла глаза.

Мои пальцы лежали на подлокотниках. Тонкие, бледные, с длинными ногтями, на которых серебрилась едва заметная морозная вязь. На запястьях — брачные браслеты, холодные настолько, что кожа под ними почти не чувствовалась. Платье чужого покроя тяжело тянуло плечи, узкий корсаж мешал дышать, а волосы, собранные на затылке, давили шпильками так, словно кто-то нарочно хотел удержать мою голову

высоко поднятой.

Не плачь.

Эта мысль пришла не моей. Она была слабой, рваной, будто оставшейся после другого человека. Не плачь при них. Только не при них.

Я вдохнула и почувствовала запах снега, горящих свечей и дорогого меха. Передо мной расстился Ледяной зал — длинный, сияющий, неправдоподобно красивый и страшный. Пол был выложен прозрачными плитами, под которыми будто застыла северная река. По стенам тянулись узоры из белого камня, в них мерцали тонкие серебряные линии. Высокие окна уходили почти под самый потолок, а за ними кружил снег, хотя я не помнила ни дороги сюда, ни города, ни этого мира.

Зато тело помнило.

Оно помнило мужчину, стоявшего в центре зала.

Каэл Морнхольд.

Имя вспыхнуло в сознании само, обжигая не хуже пощёчины. Глава морозного рода. Дракон. Муж Илары. Человек, рядом с которым прежняя хозяйка этого тела когда-то училась говорить тише, ходить ровнее, улыбаться правильнее и терпеть дольше, чем могла.

Он стоял в трёх шагах от помоста Совета, высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, убранными назад, и лицом, вырезанным будто из зимнего камня. На нём был чёрный камзол с серебряной застёжкой в виде расправленного

крыла. Красивый, опасный, безусловно собранный мужчина, который смотрел не на жену, а сквозь неё.

Так смотрят на вещь, которую уже вынесли из дома, но ещё не успели убрать со двора.

— Леди Вейра, — обратился ко мне старик в мантии цвета серого льда. Он сидел выше остальных, в центральном кресле Совета. — Вы слышали заявление лорда Морнхольда?

Я хотела ответить, но горло не сразу подчинилось. В нём стояла такая сухая боль, будто эта женщина до моего прихода уже несколько часов молчала, сдерживаясь из последних сил.

Я слышала. Я видела. Я даже понимала слишком много для той, кто только что очнулась в чужой жизни.

Перед помостом стояли семь членов Совета. За ними, полукругом, разместились представители знатных родов, важные гости, дальние родственники, придворные служители и те, кто пришёл посмотреть, как падает женщина, ещё вчера носившая имя Морнхольд. Слишком много глаз. Слишком много жадного ожидания. Никто не шумел, но в этом молчании было больше жестокости, чем в открытом смехе.

Справа от Каэла стояла женщина в светло-голубом платье. Севария Лосс.

Её имя тоже всплыло легко, будто тело Илары знало его слишком хорошо. Тонкая, высокая, с мягкими золотистыми волосами и безупречной улыбкой, она держалась чуть позади Каэла, но так уверенно, словно место рядом с ним уже

принадлежало ей. Не официально. Пока нет. Однако каждый в зале это понимал, и Севария, кажется, наслаждалась именно этим «пока».

Она посмотрела на меня с сочувствием, в котором не было ни капли жалости.

Я много раз видела такие лица в своей прежней жизни. Люди с такими лицами не пачкали рук. Они просто стояли рядом, пока за них всё делали другие, и улыбались так, будто заранее простили тебя за твоё поражение.

— Леди Вейра, — повторил старик из Совета. — Вы способны отвечать?

Способна ли я отвечать?

Я едва знала, где нахожусь. Едва понимала, почему чужие воспоминания, как осколки тонкого стекла, царапали сознание. Но одно я поняла сразу: если сейчас я промолчу, за меня всё решат окончательно. Подпишут, разделят, отдадут, вычеркнут. А потом, возможно, ещё назовут это милосердием.

Я медленно поднялась.

Кресло тихо скрипнуло за моей спиной, и зал словно придвинулся ближе. От резкого движения перед глазами потемнело, но я успела ухватиться пальцами за край подлокотника. Браслеты на запястьях звякнули — тонко, обидно, как цепи.

Каэл впервые посмотрел прямо на меня.

Его глаза были серыми, почти прозрачными. В них не было злости. Это оказалось хуже. Злость хотя бы означала бы,

что ему не всё равно. А в его взгляде жила усталость человека, которому надоела неприятная обязанность.

— Я слышала, — сказала я.

Голос прозвучал тише, чем хотелось, но не сломался. И это уже было победой.

По залу прошло едва заметное движение. Кто-то наклонился к соседу, кто-то приподнял бровь, кто-то наконец решил, что представление продолжается. Прежняя Илара, судя по тому, как напряглись лица вокруг, должна была плакать, просить, оправдываться или падать в обморок. Видимо, стоять прямо и отвечать спокойно в её привычки не входило.

— В таком случае Совет продолжит слушание, — сказал старик. — Лорд Морнхольд, изложите условия расторжения союза.

Каэл повернулся к Совету, и в этом движении не было ни одного лишнего жеста.

— Род Морнхольд сохраняет за собой северный дом, земли у Морозного кряжа, городские владения, торговые договоры и родовые счета. Леди Вейра получает личные вещи, которые были привезены ею при заключении брака, и отступное имущество, не связанное с основным наследием рода.

Я слушала и пыталась удержаться в настоящем. Слова звучали торжественно, но смысл был простой: у женщины забирали всё, что имело ценность. Оставляли ей только то, без чего мужчине не жалко расстаться.

— Отступное имущество определено? — спросила женщина из Совета с гладко зачёсанными седыми волосами.

— Да, — ответил Каэл. — Дом Семи Крылец на окраине Вельсгара.

Несколько человек в зале не удержались от шепота.

Не громкого. Воспитанные люди не позволяли себе откровенного веселья на заседании Совета. Но я услышала, как изменился воздух. Удивление. Узнавание. Неловкое удовольствие от чужого падения.

Дом Семи Крылец.

Внутри у Илары что-то болезненно сжалось. Не моё знание, её. Старый приют. Заколоченные окна. Крыша, которую никто не чинил много зим. Место, куда не ходили после заката. Место, которым пугали слуг и непослушных детей. Место, которое когда-то принадлежало одному из боковых ответвлений рода Морнхольд, а потом было забыто, как забывают всё неудобное.

Каэл отдавал мне не дом.

Он отдавал мне развалину с дурной славой.

— Щедро, — мягко произнесла Севария.

Она сказала это почти шёпотом, но зал услышал. Или сделал вид, что не услышал, что было ещё хуже.

Каэл не повернул головы в её сторону. Только его пальцы на мгновение сжались на перчатке, которую он держал в руке. Этот жест был таким быстрым, что прежняя Илара, возможно, не заметила бы. Но я заметила. Не потому что была

умнее. Просто я отчаянно искала хоть какую-то трещину в его спокойствии.

— Дом Семи Крылец требует восстановления, — продолжил Каэл. — Однако юридически остаётся полноценным владением. Участок земли вокруг дома также переходит леди Вейра.

— Вместе с долгами по содержанию? — уточнил один из советников, сухой мужчина с длинным лицом.

— Вместе с обязанностями владельца, — ответил Каэл. Вот оно.

Теперь шёпот стал ощутимее. Кто-то тихо втянул воздух. Кто-то неудачно кашлянул, скрывая смешок. Я стояла в центре чужого мира, в чужом теле, в чужом браке, который разваливался у всех на глазах, и вдруг поняла, что мне не просто дают старый приют. Мне передают проблему, с которой Илара, по их мнению, не справится.

Слишком удобно.

Жена, которую не жалко. Дом, который не жалко. Долги, которые кому-то надо переложить. Репутация, которую можно окончательно утопить в снегу.

— Лорд Морнхольд, — сказала я, и мой голос прозвучал уже увереннее. — Правильно ли я поняла, что вместе с этим домом мне переходят все документы на владение?

Каэл посмотрел на меня так, будто впервые услышал от старой мебели человеческую речь.

— Документы будут переданы после подписания.

— Все?

В зале снова стало тише.

Севария слегка наклонила голову. Улыбка осталась на месте, но в глазах мелькнуло что-то острое и недовольное. Не страх. Нет. Скорее досада. Она не ожидала вопроса.

Каэл тоже не ожидал.

— Все документы, относящиеся к владению, — сказал он после короткой паузы.

— И права на землю вокруг дома?

— Да.

— И право распоряжаться домом без согласия рода Морнхольд?

Старик из Совета постучал костяным молоточком по подлокотнику.

— Леди Вейра, условия уже представлены. Вы можете задать уточняющие вопросы через своего поверенного.

Поверенного у меня, конечно, не было.

Прежняя Илара пришла сюда одна. Или её привели одну. В памяти вспыхнуло утро: холодная служанка, застёгивающая платье; пустая спальня; приказ явиться в Ледяной зал; слабая надежда, что Каэл хотя бы поговорит с ней наедине. Не поговорил. Не объяснил. Даже не зашёл.

Меня вдруг накрыла чужая боль — такая густая, что я на секунду почти потеряла себя. Эта женщина любила его. Не спокойно, не разумно, не по договору. Она любила его отчаянно, унижительно тихо, годами собирая крошки внимания

и называя их надеждой.

А он сейчас отдавал её залу на растерзание с той же аккуратностью, с какой отдавал ненужное имущество.

Я не была Иларой. И всё же боль стала моей, потому что тело не умело отделять прошлую жизнь от новой.

— У меня нет поверенного, — сказала я.

— Это ваш выбор, — заметила советница с седыми волосами.

— Нет, — ответила я, глядя на неё. — Это обстоятельство, которым слишком удобно пользоваться.

Её лицо застыло.

В другом месте, в другой жизни, я бы, возможно, промолчала. Я умела молчать. Слишком часто умела. Но в эту минуту чужая обида, мой собственный страх и холод брачных браслетов на запястьях смешались в одно простое чувство: если я уже оказалась здесь, то не собиралась начинать новую жизнь с покорного кивка.

Каэл сделал шаг ко мне.

— Илара, не усложняй.

Он произнёс моё имя без нежности. Но само звучание имени вдруг отозвалось где-то в груди. Илара. Я была Иларой теперь. Хотела этого или нет, но именно под этим именем на меня смотрели, меня судили, меня пытались вычеркнуть.

— Я не усложняю, лорд Морнхольд, — сказала я. — Я уточняю, что именно вы отдаёте мне перед всем Советом.

У него чуть напряглась челюсть.

— Дом Семи Крылец.

— С землёй.

— Да.

— С правом владения.

— Да.

— Без права рода Морнхольд забрать его обратно, если вдруг окажется, что дом имеет ценность.

Теперь молчание стало настоящим.

Я сама не знала, почему сказала это. Слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать. Может быть, прежняя Илара где-то в глубине памяти знала о приюте больше, чем ей позволяли помнить. Может быть, я просто слишком хорошо понимала людей: если кто-то публично отдаёт тебе “ненужную” вещь, надо сразу проверить, не рассчитывает ли он потом забрать её назад, когда ты вложишь в неё силы.

Севария рассмеялась.

Тихо, красиво, почти ласково.

— Леди Илара, какая удивительная предусмотрительность. Поверьте, если Дом Семи Крылец когда-нибудь снова обретёт ценность, весь Вельсгар сочтёт это чудом.

— Тогда закрепить моё право будет несложно, — ответила я.

Её улыбка стала тоньше.

Каэл смотрел на меня внимательнее. В его взгляде впервые появилось не равнодушие, а настороженность. Возмож-

но, прежняя Илара никогда не спорила при людях. Возможно, именно поэтому они выбрали публичный зал: здесь ей было бы страшнее, стыднее, больнее. Здесь она должна была сломаться красиво и окончательно.

Я не сломалась. Пока.

— Совет может внести это в запись, — сказал старик после долгой паузы. — Если лорд Морнхольд подтверждает отсутствие обратного права рода на указанное владение.

Все взгляды переместились к Каэлу.

Он молчал слишком долго.

И именно это молчание сказало мне больше, чем любые документы. В этом доме действительно было что-то ещё. Или хотя бы могло быть. Иначе Каэл ответил бы сразу. Иначе Севария не смотрела бы сейчас на него с едва заметным напряжением.

— Подтверждаю, — наконец произнёс он.

Серебряная линия на стене за Советом вспыхнула и погасла. Как подпись. Как печать. Как чьё-то древнее ухо, которое слышало и запомнило.

Я не поняла, что произошло, но сердце ударило сильнее.

Старик кивнул писцу, сидевшему сбоку за узким столом. Тот быстро заскользил пером по плотному листу. Перо оставляло не чернила, а тонкий тёмно-синий след, похожий на нитку ночи на снегу.

— Есть ли у сторон взаимные имущественные претензии? — спросила советница.

Каэл ответил сразу:

— У меня нет.

Конечно. Он забирал почти всё. Какие претензии могли остаться у победителя?

Советница посмотрела на меня.

— Леди Вейра?

Я хотела сказать “нет” просто потому, что не знала, какие претензии могла бы предъявить. Но в последний момент остановилась. Прежняя Илара снова отозвалась во мне слабым, едва уловимым воспоминанием: запертая шкатулка, письма, ожерелье матери, ключ, который однажды исчез из её стола после очередного “семейного распоряжения”.

— Мои личные вещи, — сказала я. — Всё, что принадлежало мне до брака и не является собственностью рода Морнхольд, должно быть доставлено в Дом Семи Крылец.

Каэл слегка прищурился.

— Тебе никто не препятствовал забрать свои вещи.

Он сказал это спокойно. Настолько спокойно, что почти убедительно.

Но воспоминание о пустой шкатулке стало ярче.

— Значит, тем более не будет причины препятствовать теперь.

Седая советница недовольно поджала губы, но старик снова кивнул писцу.

— Внести в запись. Личные вещи леди Вейра подлежат передаче по месту нового владения в течение трёх дней.

Севария медленно провела пальцами по браслету на своей руке. Не брачному — просто украшению, тонкому и дороговому. Она не смотрела на меня прямо, но я чувствовала её внимание кожей. Эта женщина не любила неожиданности. А я, похоже, стала одной из них.

— Леди Илара, — произнесла она, и в её голосе зазвене- ла мягкая забота. — Дом Семи Крылец слишком далеко от центра. Там холодно, пусто, да и слуги неохотно соглашаются работать в таком месте. Возможно, вам стоит принять де- нежную замену. Ради вашего же спокойствия.

Вот теперь я поняла окончательно: дом ей зачем-то нужен. Не Каэлу. Не Совету. Ей.

Или она просто очень хотела, чтобы я туда не доехала.

— Благодарю за заботу, леди Лосс, — сказала я. — Но спокойствие мне сегодня уже предложили в таком количестве, что я, пожалуй, выберу дом.

Кто-то в зале тихо хмыкнул.

Севария посмотрела на меня без улыбки всего одно мгновение. Этого хватило, чтобы я увидела настоящую её: холод- ную, расчётливую, привыкшую входить в чужие жизни мяг- ко, но брать крепко.

Потом она снова стала безупречной.

— Как пожелаете.

Каэл повернулся к ней, и между ними прошла короткая, почти незаметная тень разговора без слов. Он был недово- лен. Она — тоже. А я стояла и понимала, что сделала первый

шаг в темноту, не зная, куда он ведёт.

Совет продолжил говорить.

Они произносили формулы, перечисляли правила, уточняли сроки. Я слушала каждое слово, хотя половина терминов была мне незнакома. Иногда чужая память подсказывала значение. Иногда нет. Но главное я уловила: после подписания я перестану быть женой Каэла, потеряю имя Морнхольд, получу старый приют, участок земли, обязанности владельца и три дня на то, чтобы забрать личные вещи.

Никаких денег, на которые можно долго прожить.

Никакой поддержки.

Никакой защиты рода.

Зато свобода, от которой в зале почему-то всем становилось неприятно.

Когда писец закончил, к центру вынесли столик из белого дерева. На него положили два листа, скреплённые серебряной нитью. Рядом поставили маленькую чашу с мерцающим светом. Я напряглась, но никто не сделал ничего опасного. Просто старик из Совета поднял ладонь, и над документом проявились строки.

— Брачный союз между Каэлом Морнхольдом и Иларой Вейра расторгается по решению главы рода Морнхольд и с согласия Совета, — произнёс он. — Стороны подтверждают условия раздела и отказ от взаимных брачных прав.

Брачных прав.

Как вежливо они называли то, что один человек просто

выбрасывал другого из своей жизни.

Каэл подошёл первым. Писец подал ему тонкое перо. Он подписал документ уверенно, не перечитывая. Конечно, зачем перечитывать приговор, который сам и составил?

Затем перо протянули мне.

Я взяла его и вдруг поняла, что пальцы дрожат. Не от слабости. От слишком многих чувств сразу. Страх. Чужая обида. Моя растерянность. И ещё злость — тёплая, упрямая, почти спасительная.

Документ лежал передо мной. На плотной бумаге темнели строки, где моя новая жизнь была сведена к нескольким условиям. Имя Илары уже стояло в начале. Осталось поставить его в конце.

Я могла отказаться.

Что тогда? Совет признает отказ истерикой. Каэл найдёт другой способ. Севария улыбнётся шире. Дом Семи Крылец уйдёт кому-то ещё. А я останусь в положении женщины, которую не хотят, но пока не выкинули окончательно.

Нет.

Если передо мной открыли дверь, пусть даже в снег и неизвестность, я выйду сама.

Я наклонилась и подписала.

В тот же миг брачные браслеты на моих запястьях треснули. Не громко, но звук оказался таким отчётливым, что я вздрогнула. Серебряные обручи распались на две половины каждый и упали на пол, ударившись о прозрачные плиты.

Под ними на коже остались бледные следы, будто я слишком долго носила то, что не давало мне дышать.

По залу прошёл шорох.

Каэл смотрел на мои запястья. Теперь его лицо уже не было совершенно спокойным. Взгляд задержался на отметинах, потом поднялся к моему лицу. Я не знала, что он увидел. Наверное, не ту женщину, которую ожидал.

Старик из Совета поднялся.

— Союз расторгнут. Леди Илара Вейра получает во владение Дом Семи Крылец и прилегающую землю. Род Морнхольд не имеет обратного права на указанное владение. Личные вещи леди Вейра должны быть доставлены в течение трёх дней.

Слова легли в воздух тяжёлыми печатями.

Свободна.

Это слово должно было принести облегчение, но пока оно казалось слишком большим для меня. Я стояла среди чужих людей, без денег, без союзников, без понимания, как жить в этом мире, и единственное, что у меня было, — старый приют, которого все боялись.

И всё же внутри впервые стало немного легче.

Каэл подошёл ближе. Теперь нас разделял только узкий столик с документами.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — сказал он негромко. Не для зала. Для меня.

Его голос больше не был официальным. В нём появилась

усталость, раздражение и что-то ещё, похожее на недоумение. Видимо, по сценарию я должна была рыдать, а не задавать вопросы о правах на землю.

Я посмотрела на него снизу вверх, потому что он был значительно выше. Рядом с ним действительно было легко почувствовать себя слабой. Наверное, прежняя Илара так и жила — постоянно маленькая рядом с его холодной уверенностью.

— Возможно, — ответила я так же тихо. — Но теперь это моя ошибка, а не ваше решение.

Он чуть заметно вздрогнул. Не телом — взглядом. Будто слово попало туда, где должна была быть броня.

Севария подошла к нам, мягко касаясь пальцами рукава Каэла.

— Не стоит продолжать, — сказала она. — Леди Илара сделала выбор. Нам остаётся пожелать ей удачи.

Она произнесла “удачи” так, что любой разумный человек услышал бы: ты не справишься.

Я услышала.

И, возможно, именно поэтому выпрямилась ещё сильнее.

— Спасибо, леди Лосс, — сказала я. — В вашем пожелании столько тепла, что Дом Семи Крылец, наверное, сразу перестанет мёрзнуть.

В зале кто-то поперхнулся смешком. Старик из Совета нахмурился. Каэл закрыл глаза на долю секунды, будто ему пришлось сдержать резкое слово. А Севария впервые по-

смотрела на меня так, как смотрят не на жертву, а на помеху.

Это было приятно.

Глупо, опасно, но приятно.

Писец собрал документы, отделил один лист и передал мне вместе с тяжёлым ключом на потемневшем кольце. Ключ был странный — длинный, с семью маленькими выступами у бородки. Металл казался старым, почти чёрным, но когда мои пальцы сомкнулись на нём, внутри ключа мелькнул слабый тёплый свет.

Я едва не выпустила его.

Свет исчез так быстро, что я решила: показалось. Но ладонь всё ещё хранила тепло.

— Экипаж доставит вас к городским воротам, — сказал Каэл сухо. — Дальше дорога к приюту короткая.

Короткая. Как удобно звучит, когда не тебе идти по ней в неизвестность.

— Нет, — сказала я.

Он нахмурился.

— Что значит “нет”?

— Это значит, что я не поеду в экипаже, который любезно выделит род Морнхольд.

— Илара...

— Леди Вейра, — поправила я.

Слова сорвались сами. Но, произнеся их, я поняла, что не заберу обратно. Если он так хотел развода, пусть первым привыкает к его последствиям.

Каэл замолчал.

Севария опустила глаза, пряча улыбку. Ей нравилось, что я отказываюсь от помощи. Она наверняка считала это гордостью глупой женщины. Возможно, так оно и было. Но садиться в экипаж людей, которые только что публично меня выбросили, я не собиралась.

— Как пожелаете, леди Вейра, — произнёс Каэл после паузы.

В его голос вернулся холод.

Я сжала ключ крепче и повернулась к выходу. Шаги дались не сразу. Платье мешало, зал казался слишком длинным, а люди по обеим сторонам смотрели так, будто ждали, когда я споткнусь. Я не споткнулась. Даже когда за спиной услышала тихий голос Севарии:

— Бедняжка. Она и недели там не проживёт.

Сказано было негромко. Почти ласково. Для тех, кто стоял рядом. Не для меня.

Но я услышала.

У самых дверей я остановилась.

Не потому что хотела ответить. Я правда не собиралась. Умная женщина ушла бы молча, сохранив достоинство и силы. Но, видимо, новая жизнь началась с того, что я перестала быть удобной.

Я обернулась.

Зал застыл. Каэл смотрел на меня из центра белого сияния, Севария стояла рядом с ним, Совет возвышался за их

спинами. Все они были частью этого мира: уверенные, сильные, знающие правила. А я не знала почти ничего.

Зато я уже знала, как выглядит унижение.

И больше не хотела склонять перед ним голову.

— Передайте в запись Совета ещё одну вещь, — сказала я.

Старик нахмурился.

— Слушание завершено, леди Вейра.

— Тогда пусть это будет не запись, а напоминание.

Я подняла ключ так, чтобы его увидели все. Тяжёлый, старый, потемневший, он лежал на моей ладони как вещь, которую слишком долго считали бесполезной.

— Я забираю не милость рода Морнхольд, — сказала я, глядя сначала на Каэла, потом на Севарию и только после этого на Совет. — Я забираю своё право.

На этот раз никто не засмеялся.

Я вышла из Ледяного зала одна, с документом, ключом и чужой судьбой в руках. За огромными дверями меня встретил длинный коридор, где было тише, темнее и почему-то теплее. Слуги отводили глаза. Стражники делали вид, что не слышали ни слова. Где-то далеко за окнами всё так же кружил снег.

Я сделала несколько шагов и только тогда позволила себе прислониться к стене.

Колени подогнулись не сразу, а медленно, будто тело ждало разрешения. Я прижала ладонь с ключом к груди и попыталась дышать ровно. Не получилось. Воздух входил неров-

ными глотками, в голове шумело, а перед глазами всё ещё стоял Ледяной зал, лицо Каэла и улыбка Севарии.

Я не знала, как оказалась здесь.

Не знала, кто убил или сломал прежнюю Илару настолько, что вместо неё пришла я.

Не знала, что ждёт меня в Доме Семи Крылец.

Но ключ в моей ладони снова стал тёплым.

На этот раз я не могла списать это на воображение. По потемневшему металлу прошла тонкая серебряная искра, будто кто-то невидимый провёл внутри него нить света. А потом в глубине коридора, за закрытым окном, сквозь шум снега мне почудился тихий детский плач.

Я резко подняла голову.

Коридор был пуст.

Но ключ в моей руке нагрелся сильнее, словно старый дом уже звал меня по имени.

Глава 2. Дом, который не хотел умирать

Детский плач больше не повторился.

Я стояла в коридоре за Ледяным залом, прижимая к груди потемневший ключ, и вслушивалась так напряжённо, что вскоре начала различать всё подряд: скрип снега за высокими окнами, далёкий стук каблуков, приглушённые голоса за закрытыми дверями, собственное неровное дыхание. Но того тонкого всхлипа, который на миг прорезал шум метели, уже не было.

Может быть, мне почудилось.

После публичного развода, чужого тела, чужой памяти и старого ключа, который сам нагревался в ладони, я бы не удивилась, если бы мой разум решил добавить к этому ещё и плач из пустоты. Только вот ключ продолжал оставаться тёплым, будто в нём билось маленькое упрямое сердце.

Я отняла его от груди и посмотрела на тёмный металл. Семь выступов у бородки напоминали крошечные крылья. Не острые зубцы, не украшение, не случайность — именно крылья, сложенные одно за другим. Внутри каждого на мгновение мерцала серебряная жилка, но стоило мне моргнуть, и свет пропадал.

— Леди Вейра?

Голос прозвучал рядом так неожиданно, что я резко повернулась.

У стены стояла девушка в сером платье служанки. Невысокая, веснушчатая, совсем молодая. Она держала в руках мой плащ — белый, с меховой оторочкой, слишком тонкий на вид для такой погоды, но всё равно лучше, чем идти в одном платье. Девушка не смотрела мне в глаза. Её пальцы сжимали ткань так крепко, будто она боялась, что плащ у неё отнимут.

— Это ваше, леди. Велели передать.

— Кто велел?

Служанка замялась.

— Управитель зала.

Не Каэл, конечно. Не стоило даже спрашивать. Для него брачный союз уже был расторгнут, а значит, всё, что происходило со мной дальше, перестало относиться к его обязанностям.

Я взяла плащ, но девушка не ушла. Она стояла на месте, переминаясь, и время от времени бросала быстрые взгляды на ключ в моей руке.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросила я.

Она вздрогнула, будто я застала её за чем-то опасным.

— Нет, леди. Простите.

— Тогда почему смотришь на ключ?

Девушка побледнела. Не сильно, но достаточно, чтобы я заметила.

— На него все смотрят, — прошептала она. — Просто не все показывают.

Она тут же прикусила губу и испуганно оглянулась на дверь Ледяного зала, словно ждала, что оттуда выйдет кто-нибудь из Совета и накажет её за лишние слова. Я тоже посмотрела туда. Двери оставались закрытыми, но за ними теперь слышалось движение: заседание закончилось, люди расходились, и совсем скоро коридор снова заполнится теми, кто ещё недавно наблюдал за моим падением.

Мне нужно было уйти раньше, чем они выйдут.

— Как тебя зовут? — спросила я, накидывая плащ на плечи.

— Мира, леди.

Имя прозвучало просто и мягко. В чужой памяти Илары оно не отозвалось ничем, значит, эта девушка не входила в число тех, кто ежедневно жил рядом с ней в доме Морнхольдов. Наверное, обычная служанка при зале. Обычная — и поэтому пока единственная, кто заговорил со мной без ледяного презрения.

— Мира, мне нужно попасть к Дому Семи Крылец. Я отказалась от экипажа рода Морнхольд, но не от любой дороги вообще. Где здесь можно нанять повозку?

Она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло такое искреннее удивление, что я едва не усмехнулась. Видимо, леди, которые только что потеряли положение, обычно не спрашивали у служанок, где найти транспорт. Они плакали, падали,

ждали, что кто-нибудь решит за них. Но ждать было не от кого.

— У нижних ворот стоят городские сани, — сказала Мира после короткой паузы. — Не родовые. Обычные. Но... вам туда не надо одной.

— Почему?

Она снова посмотрела на ключ.

— Дом старый. Там давно никто не живёт.

— Это я уже слышала.

— Нет, леди. Не так. — Мира сжала пальцы перед собой, будто собиралась с духом. — Он не просто старый. Он будто... не пускает. Люди говорят, ночью у него в окнах свет, хотя внутри пусто. Ставни хлопают сами, а следы во дворе появляются даже тогда, когда снег шёл всю ночь и никто не мог пройти. Мой дядя возил туда доски два года назад. Вернулся без досок и сказал, что больше к этому месту не поедет.

— Что случилось с досками?

— Не знаю. Он не сказал. Только потом три дня молчал.

Это должно было меня напугать сильнее. Но после Ледяного зала история о доме, который не пускает чужих и сам зажигает окна, почему-то не звучала как худшее из возможного. Люди в Совете тоже были красивыми, ухоженными, уверенными — и при этом я доверяла им меньше, чем старому пустому приюту, который ещё ни разу не успел солгать мне лично.

— Спасибо, Мира, — сказала я. — За плащ и за предупреждение.

Она поклонилась, но не сразу отступила.

— Леди... — Девушка говорила так тихо, что мне пришлось наклониться ближе. — Если дом всё же откроет вам дверь, не снимайте с крыльца старый колокольчик. Его иногда забирают на удачу, но это неправильно. Бабушка говорила, пока он висит, Дом Семи Крылец помнит, что он дом.

Я хотела спросить, откуда её бабушка это знает, но в коридоре заскрипели двери. Первыми вышли двое мужчин в тёмных камзолах. За ними показалась седая советница, та самая, которая так охотно напоминала мне об отсутствии поверенного. Мира мгновенно отступила к стене и опустила голову.

Я тоже не стала ждать.

Коридоры Совета оказались похожи на сам Ледяной зал: слишком белые, слишком гладкие, слишком холодные, чтобы в них хотелось задерживаться. Я шла быстро, хотя ноги в тяжёлых туфлях слушались плохо. Ключ в ладони то остывал, то снова нагревался, словно указывал направление. Я не знала, действительно ли это так, но всё же ловила эти перемены. Когда поворачивала не туда, металл становился почти обычным. Когда шла к лестнице вниз, тепло возвращалось.

У нижних ворот пахло мокрым деревом, лошадьми и морозом. После холодной чистоты верхних залов этот запах показался почти живым. Стражник у двери посмотрел на меня,

на документ, который я держала вместе с ключом, и молча открыл створку. Ни поклона, ни вопроса, ни попытки задержать. В его равнодушии было что-то унижительное, но полезное: чем меньше меня замечали, тем легче было уйти.

Снаружи город Вельсгар встретил меня серым небом и снегом, который не падал, а летел боком, цепляясь за лицо мелкой колкой крупой. У нижних ворот действительно стояли сани: несколько крепких, крытых, с облезлой краской на бортах, и одна совсем простая повозка на полозьях, возле которой пожилой возница поправлял ремень на упряжи.

Я подошла к нему.

— До Дома Семи Крылец довезёте?

Руки у него остановились.

Он медленно поднял голову и посмотрел сначала на меня, потом на ключ, который я не успела спрятать. Лицо у него было обветренное, с глубокими складками у рта и глаз. Такие люди редко удивлялись громко. Они просто дольше молчали.

— До самого дома? — уточнил он.

— Да.

— Леди, вы, верно, недавно из зала.

— Верно.

— И вам, верно, не сказали, что туда после полудня не ездят.

— Мне сегодня много чего не сказали, — ответила я. — Поэтому я спрашиваю цену, а не разрешение.

Уголок его рта дрогнул. Не улыбка, скорее признание: ответ принят.

— До ворот приюта — три серебряных.

Я понятия не имела, много это или мало. В прежней жизни я бы проверила, сравнила, сторговалась, но здесь у меня не было ни кошелька, ни времени. Я машинально опустила руку к боку и только теперь обнаружила маленький потайной карман в складке платья. Внутри лежали четыре тонкие монеты и платок. Прежняя Илара, оказывается, всё же пришла на развод не совсем пустой. Может быть, она хотела иметь при себе хоть что-то своё. Может быть, надеялась сбежать после унижения, но не успела.

Я достала три монеты и протянула вознице.

— До ворот.

Он не взял деньги сразу.

— Обратно не повезу. Стемнеет — я к тому дому не дойду.

— Тогда довезите до ворот, а дальше я справлюсь.

— Все так говорят.

— Все разведённые жёны морозных драконов?

Он кашлянул, пряча смешок в воротник.

— Таких у меня пока не было.

— Значит, будем считать, что вам повезло с редкой поездкой.

Теперь он всё же взял монеты и помог мне забраться в сани. Не слишком бережно, но и не грубо. Для сегодняшнего

дня это уже казалось почти добротой.

Мы тронулись.

Вельсар оказался городом из серого камня, крутых крыш и узких улиц, где снег скапливался у дверей неровными сугробами. В центре дома стояли плотно, окна светились янтарным светом, на вывесках висели знаки мастерских, лавок, постоялых дворов. Люди оборачивались на сани, когда узнавали плащ, платье или, может быть, моё лицо. Я не знала, насколько известной была Илара Вейра, но слухи в этом городе, похоже, бегали быстрее лошадей.

У одной лавки женщина с корзиной замерла, провожая меня взглядом. У другого дома мальчишка показал на меня пальцем, но его тут же одёрнули. Чем дальше мы ехали от Ледяного зала, тем проще становились улицы. Камень сменялся потемневшим деревом, резные фонари — кривыми столбами, чистые дорожки — снежной кашей у порогов. Город будто постепенно снимал с себя парадную одежду и показывал изнанку, где люди жили не по родовым уставам, а по погоде, хлебу, дровам и слухам.

— Вы правда туда одна? — спросил возница, не оборачиваясь.

— Правда.

— Слуги будут?

— Пока нет.

— Родня?

— Сегодня выяснилось, что родня — понятие не всегда

полезное.

Он хмыкнул.

— Это вы верно сказали.

Я смотрела на спины лошадей и думала о том, что говорю слишком смело для человека, который ничего не знает. Я не знала местных правил. Не знала цен. Не знала, как устроены роды драконов, где покупать еду, кому платить за дрова и как выживать в доме, который все считают дурным. У меня был документ, ключ, один серебряный и платье, в котором неудобно было даже сидеть.

Но хуже всего было другое: я не знала, что стало с настоящей Иларой.

Её память приходила кусками. Холодная спальня. Закрытая шкатулка. Каэл, уходящий раньше, чем она успевала сказать что-то важное. Севария в гостиной, скользкая пальцами по краю чашки и спрашивающая слишком мягко: “Вы плохо выглядите, леди Илара. Вам бы больше отдыхать”. Лица слуг, которые перестали замечать хозяйку. Шёпот за дверью.

И странный сон, повторявшийся не раз: старый дом, детские шаги за стеной, семь маленьких огоньков под крышей.

Я подняла взгляд на дорогу.

Сани уже выехали к окраине. Здесь ветер стал сильнее, потому что дома расступились, открывая заснеженный пустырь и тёмную полосу деревьев за ним. Дорога к приюту уходила вниз, к низине, где сквозь снег проступали камен-

ные столбы старой ограды.

— Приехали почти, — сказал возница и натянул поводья.
— Дальше лошади не любят.

Я сначала решила, что он преувеличивает. Но лошади и правда остановились сами, вскинули головы и зафыркали. Одна начала отступать, другая ударила копытом по снегу. Возница не стал их понукать. По его лицу было видно, что спорить с животными в этом месте он не собирается.

— Ворота там, — он указал кнутовищем вперёд. — Видите столбы? От них тропа прямо к дому.

Я увидела.

Сквозь серую пелену снега поднимались два каменных столба, покосившихся, но всё ещё крепких. Между ними висели остатки ворот: одна створка стояла на месте, вторая осела в снег и держалась на нижней петле. Над воротами болталась выцветшая дощатая табличка. С такого расстояния прочесть надпись было невозможно, но по её краю тянулся резной узор: семь маленьких крыльев.

Я слезла с саней не сразу. Ноги затекли от холода и напряжения, платье цеплялось за всё подряд. Возница, помолчав, всё же подал руку.

— Леди, — сказал он, когда я оказалась на снегу, — если там кто есть, вы лучше не кричите сразу.

— Почему?

— Не знаю. Так говорят.

— Кто говорит?

— Те, кто не хочет говорить подробно.

Ответ был так себе, но я уже начинала привыкать: о Доме Семи Крылец все что-то слышали, все чего-то боялись, и почти никто не хотел объяснять.

— Спасибо, что довезли.

Он кивнул, но, прежде чем уехать, снял с саней небольшой свёрток и протянул мне.

— Это не услуга рода Морнхольд. Не перепутайте. Просто жена моя ругалась бы, узнай она, что я высадил женщину у пустого дома в метель без хлеба.

Я осторожно взяла свёрток. Внутри под грубой тканью лежали краюшка хлеба, кусок твёрдого сыра и маленький огарок свечи.

В груди стало тесно. Не от жалости к себе, а от неожиданной человеческой простоты. После Ледяного зала кусок хлеба от незнакомого возницы казался почти чудом.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Торн.

— Спасибо, Торн.

— Не благодарите заранее, леди. Посмотрите сначала, за что платили.

Он развернул сани, и лошади пошли обратно куда охотнее, чем ехали сюда. Я осталась одна у старых ворот, со свёртком в руке, ключом в кармане плаща и снегом, который тут же начал заметать следы полозьев.

Дом стоял дальше, за оградой.

Я увидела его не сразу целиком. Сначала — высокую крышу с провалом сбоку, где чернели сломанные балки. Потом — башенку над левым крылом, перекошенную, будто дом когда-то попытался наклониться и прислушаться к дороге. Потом — фасад с заколоченными окнами. Доски на них были прибиты давно, местами оторвались и стучали на ветру. Крыльцо просело. У ступеней снежными горбами лежали обломки перил. Над дверью висел старый колокольчик, почти полностью покрытый инеем.

Дом Семи Крылец был больше, чем я ожидала. Не уютный сиротливый домик на окраине, а огромный старый приют с двумя боковыми крыльями, тёмной крышей, длинными коридорными окнами и пристройками, которые терялись за деревьями. В нём было что-то обиженное. Не злое — именно обиженное. Как в человеке, которого долго называли ненужным, пока он сам почти не поверил.

Я стояла перед воротами и никак не могла заставить себя идти дальше.

Ветер забирался под плащ, платье путалось в ногах, пальцы немели, но дело было не только в холоде. Пока дом существовал где-то в словах Совета, он был проблемой. Теперь он стал настоящим: тяжёлым, тёмным, слишком большим для одной растерянной женщины, которая ещё утром, возможно, жила совсем в другом мире.

Если бы я могла развернуться, куда бы пошла?

Назад в Ледяной зал? К Каэлу? К Севарии, которая на-

верняка уже убедила себя, что к ночи я пожалею о гордости? В город, где меня будут узнавать как брошенную жену и обсуждать вполголоса?

Нет.

Я подтянула плащ плотнее, подняла с земли край упавшей створки ровно настолько, чтобы протиснуться через ворота, и шагнула на территорию приюта.

Снег во дворе лежал неровно.

Это я заметила почти сразу. У ворот он был чистым, гладким, свежим. А ближе к дому по нему тянулись следы. Не один след и не два — целая путаница отпечатков, частично заметённых, но всё ещё различимых. Широкие мужские подошвы. Узкие каблучки. Нечто похожее на детские ступни. И ещё странные полосы, будто кто-то волочил по снегу длинную палку или хвост.

Я остановилась.

Пустой дом, говорили они.

В пустом доме не бывает свежих следов.

Я присела, насколько позволило платье, и коснулась одного отпечатка пальцами. Края были мягкими, не успевшими полностью осыпаться. Следы появились недавно. Сегодня или вчера. Я не могла определить точнее, но точно не несколько недель назад.

Значит, сюда кто-то приходил.

Или кто-то не уходил.

Ключ в кармане стал горячее.

— Хорошо, — сказала я вслух, хотя говорить было не с кем. — Я тоже не в восторге, но мы уже здесь.

В ответ дом скрипнул.

Звук был долгий, низкий, прокатившийся где-то под крышей. Возможно, просто ветер. Возможно, старая балка. Возможно, мне очень хотелось верить в обычные причины.

Я прошла через двор, стараясь не наступать на чужие следы. У крыльца действительно висел колокольчик. Маленький, потемневший, с трещиной сбоку. Под ним на дверном косяке виднелись семь вырезанных крыльев, таких же, как на ключе. Я вспомнила слова Миры и не стала трогать колокольчик. Только поднялась по ступеням, проверяя каждую ногой. Вторая ступень хрустнула, но выдержала. Третья провалилась с края, и я едва не упала, ухватившись за остаток перил.

— Замечательно, — выдохнула я. — Начинаем знакомство с попытки сломать мне ногу.

Где-то справа хлопнула ставня.

Я замерла.

Потом ещё одна. Слева. Потом наверху.

Хлопки прошли по фасаду один за другим, будто дом просыпался и недовольно открывал глаза. Ветер усилился, снег закружил плотнее, а дверь передо мной осталась закрытой, тяжёлой, тёмной, с заржавевшей накладкой вокруг замочной скважины.

Я достала ключ.

Стоило поднести его к двери, как семь вырезанных крыльев на косяке слабо засветились. Не ярко. Не торжественно. Скорее осторожно, будто старое дерево проверяло, кто пришёл. Замочная скважина сама очистилась от инея. Я встала ключ, повернула, и внутри двери что-то щёлкнуло так глубоко, словно открывался не один замок, а целая память дома.

Дверь подалась внутрь.

Из темноты пахнуло холодом, пылью, старым деревом и давно не топленным очагом. Я не почувствовала запаха сырости, которого ожидала. Дом не был мёртвым. Он был выстуженным, заброшенным, обиженным, но не мёртвым.

Я вошла.

Прихожая оказалась огромной. Когда-то здесь, наверное, стояли скамьи, висели детские плащи, сушились варежки, шумели голоса. Теперь на полу лежала пыль, перемешанная со снегом, который наметало через щели. У стен виднелись пустые крючья. Большое зеркало у лестницы было накрыто серой тканью. Справа уходил коридор к кухне или кладовым, слева — в тёмную комнату с широким дверным проёмом. Прямо передо мной поднималась лестница на второй этаж.

И на полу снова были следы.

Не только мои.

Я прикрыла дверь, и дом вздохнул. Иначе это назвать было нельзя: где-то в глубине длинно скрипнули балки, потом по стенам прошёл тихий шорох, будто старые доски переда-

вали друг другу весть о моём появлении.

— Я пришла не разрушать, — сказала я негромко.

Слова прозвучали глупо. Кто разговаривает с домом? Женщина, которой больше не с кем говорить, ответила я себе и прошла дальше.

Первым делом нужно было понять, можно ли здесь пережить ночь.

Я не собиралась сразу быть сильной хозяйкой. Слишком много чести для одного дня. Сегодня мне требовалось совсем немного: крыша над головой, место, где не дует прямо в лицо, и возможность зажечь свечу. Всё остальное — утром, если дом не решит окончательно развалиться мне на голову.

Я начала с правого коридора.

Он привёл меня в кухню. Вернее, в помещение, которое когда-то ею было. Большой очаг занимал почти всю дальнюю стену. Над ним висела закопчённая балка с крюками. Полки пустовали, одна дверца шкафа держалась на единой петле, на столе лежала перевёрнутая глиняная кружка. В углу стояло ведро, полное льда. У окна снег намело прямо на подоконник, потому что рама рассохлась, а стекло в нижней части было разбито.

Я подошла к очагу и заглянула внутрь. Пепел. Старый. Несколько обугленных поленьев. Новых дров не было.

— Конечно, — пробормотала я. — Было бы слишком щедро, если бы мне оставили хотя бы тепло.

На стене рядом с очагом висела железная кочерга. Под ней

на полу темнели царапины, как будто её недавно брали. Я провела пальцем по ручке. Пыли почти не было.

Кто-то пользовался ею.

По спине прошло неприятное чувство, но я заставила себя не отступать. Страх сам по себе не был доказательством опасности. В Ледяном зале я боялась людей, которые улыбались. Здесь, возможно, боялась просто неизвестности.

Я вышла из кухни, взяв кочергу с собой. Не самое изящное оружие для бывшей жены дракона, но выбирать было не из чего.

Левая комната оказалась общей залой. В ней сохранились длинные столы, несколько лавок и большой пустой камин. Над камином когда-то висела картина, но от неё осталась только светлая прямоугольная тень на стене. На полу валялись обрывки бумаги, куски верёвки, сломанная деревянная лошадка без одного колеса. Я подняла её и почему-то не смогла сразу положить обратно.

Игрушка была грубой, простой, с вырезанными крыльями вместо гривы.

Здесь действительно жили дети.

Не просто числились в документах, не просто когда-то проходили через старый приют. Жили. Бегали по этим полам, спорили за места у камина, теряли игрушки, прятали секреты в щелях. Дом помнил их, даже если люди предпочли забыть.

Я поставила лошадку на каминную полку.

— Пусть будет здесь, — сказала я.

Пламени в камине не было, но на миг мне показалось, что в глубине серого камня шевельнулся слабый отблеск. Я подошла ближе. Ничего. Только сажа, холод и старая трещина, которая тянулась от очага вниз, к полу.

За спиной тихо хлопнула дверь.

Я резко обернулась, сжимая кочергу.

Проём был пуст.

Зато из прихожей пришёл новый звук: тихий скрип. Потом ещё один. Будто кто-то осторожно наступал на старые доски, но сразу отступал, не решаясь войти.

— Кто здесь? — спросила я.

Ответа не было.

Я вышла в прихожую. Дверь на улицу была закрыта. Снег больше не задувал внутрь. Лестница стояла тёмная, уходящая вверх. Под ней темнело пространство, заваленное чем-то вроде старых ящиков и поломанной мебели.

Никого.

Только на пыльном полу перед лестницей появился новый след.

Маленький.

Босой.

Я не сразу поверила своим глазам. Присела рядом, забыв про холодный пол и платье. След был крошечный, детский, с отпечатками пальцев. Вокруг него пыль лежала ровно, будто до этой минуты здесь никто не ходил. Но след был настоя-

щий.

Я подняла кочергу, потом опустила. Если в доме ребёнок, я точно не собиралась встречать его как врага. Но если это была ловушка, то я глупо подставлялась.

— Я не причиню вреда, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Если здесь кто-то есть, выходить не обязательно. Просто... дай мне понять, что тебе нужна помощь.

Тишина.

Потом где-то наверху жалобно скрипнула ставня.

Дом не отвечал словами. Он отвечал всем, чем мог.

Я поднялась по лестнице, держась ближе к стене, где ступени казались крепче. На втором этаже было темнее и холоднее. В крыше действительно зиял провал: над правым крылом потолок местами промок и просел, а в одном участке сквозь дыру виднелся серый снеговой вечер. В коридоре стояли двери — много дверей, почти все закрытые. На некоторых сохранились вырезанные имена, но время и ножи чужих людей испортили буквы. Где-то я различила “Ма...”, где-то “Ри...”, где-то просто глубокие царапины.

Первая комната была пустой. Только две кровати без матрасов и сундук с выломанной крышкой. Вторая — завалена обломками стульев. В третьей у окна стоял маленький столик, на котором лежали гладкие камешки, выложенные кругом. Я не стала их трогать. Внутри этого круга пыли не было, словно кто-то совсем недавно провёл по столу ладонью.

В четвёртой комнате я нашла чужие следы уже не только на пыли.

На полу лежал кусок серой ткани. Детская куртка или часть старого покрывала. Рядом — огрызок свечи, похожий на тот, что дал мне Торн. Значит, кто-то бывал здесь недавно. Кто-то приходил не как грабитель: грабители не оставляют свечи в детских комнатах, если только не ищут то, что спрятано в темноте.

Снаружи стемнело быстрее, чем я ожидала.

В северном городе вечер не опускался — он наваливался. Окна стали чёрными, снег за ними превратился в сплошное движение, а дом внутри начал звучать иначе. Днём старые доски просто скрипели. Ночью в этих скрипах появился ритм. Шаг наверху. Ответ в стене. Хлопок ставни в правом крыле. Тихий стук где-то под лестницей.

Я вернулась вниз, потому что оставаться на втором этаже под проваленной крышей было небезопасно. На кухне я нашла несколько сухих щепок в ящике у очага и осторожно перенесла их в камин общей залы. Свечу Торна зажгла не с первой попытки. Руки замёрзли, платье мешало, а я всё ещё плохо понимала, как здесь устроены обычные вещи. Но огонёк наконец вспыхнул, тонкий и робкий.

Я поднесла его к щепкам.

Они занялись не сразу. Дымили, сопротивлялись, будто тоже не верили, что в этом доме снова может быть тепло. Потом маленькое пламя всё же побежало по сухому краю, и

камин ожил тихим треском.

Света стало немного больше.

Я устроилась на лавке, положив рядом документ, ключ, кочергу и свёрток с едой. Есть не хотелось, но я заставила себя отломить кусок хлеба. Тело Илары было слабее, чем я думала. Усталость догнала резко, когда стало чуть теплее, и я поняла, что держалась весь день только на упрямстве.

— Итак, — сказала я тихо, глядя на огонь. — У нас есть дом, который почти развалился. Есть долги, о размере которых мне не сообщили. Есть неизвестные следы на полу. Есть женщина, которой очень не понравилось, что я забрала ключ. Есть бывший муж, который считает меня глупой. И, возможно, в этом доме есть ребёнок.

Огонь в камине треснул громче.

— Да, я тоже считаю, что список впечатляющий.

Смех получился слабым, но настоящим. Может быть, это было первым моим собственным звуком в этом мире, не продиктованным страхом или злостью.

Я откусила хлеб и прислушалась.

Дом больше не казался пустым. Он дышал вокруг меня: скрипел балками, отвечал ветру ставнями, иногда будто переставлял внутри стен старые мысли. В какой-то момент мне показалось, что под полом прошёл лёгкий тёплый толчок. Не землетрясение, не удар — скорее осторожная попытка привлечь внимание.

Потом в конце залы, у двери, ведущей в прихожую, вспых-

нул свет.

Я замерла.

Свет был не от свечи и не от камина. Тонкая серебряная полоска протянулась вдоль пола, дошла до порога и погасла. Через несколько секунд появилась снова. Как нитка. Как указатель. Как приглашение.

Ключ на лавке нагрелся так сильно, что я почувствовала тепло через ткань.

— Ты хочешь, чтобы я пошла туда? — спросила я.

Ответом стал тихий стук.

Раз.

Пауза.

Ещё раз.

Он шёл из прихожей. Вернее, из-под лестницы.

Я взяла свечу, кочергу и ключ. Огонь в камине вдруг поднялся выше, хотя щепок я почти не добавляла. Будто дом не хотел оставлять меня совсем в темноте.

В прихожей было холоднее. Серебряная нить на полу появилась снова и скользнула к лестнице. Под ней, в темноте, стояли старые ящики, обломки кресла и свернувшийся ковер, давно испорченный пылью. Я осторожно поставила свечу на нижнюю ступеньку и начала разбирать завал.

Первый ящик оказался пустым. Второй рассыпался у меня в руках. За ковром открылась узкая дверца, такая низкая, что взрослому пришлось бы пролезать на коленях. На ней не было ручки. Только вырезанное крыло — одно из семи,

совсем маленькое.

Ключ сам повернулся в моей ладони.

Я не стала спорить. Вставила его в едва заметную щель рядом с крылом, и дверца беззвучно открылась.

Внутри было темно.

Я подняла свечу.

Сначала увидела одеяло. Старое, серое, свёрнутое в углу. Потом — маленькую ладонь, испачканную пылью. Потом лицо ребёнка.

Мальчик сидел, прижав колени к груди. На вид ему было лет шесть или семь, но глаза казались гораздо старше. Тёмные волосы падали на лоб неровными прядями, щека была перепачкана сажей, а губы сжаты так крепко, будто он заранее решил не просить ни о чём. За его спиной в узком пространстве дрогнуло что-то тонкое, покрытое серебристо-серой чешуйчатой кожей.

Крылья.

Маленькие драконьи крылья, слишком хрупкие и слишком настоящие, чтобы я могла убедить себя, будто это очередная игра света.

Я опустилась на пол, стараясь не делать резких движений. — Здравствуй, — сказала я тихо.

Мальчик смотрел на меня не моргая. Одной рукой он держал край одеяла, другой сжимал деревянную фигурку — ту самую лошадку с крыльями, которую я поставила на камин. Или очень похожую. Я не поняла, как она успела оказаться

у него, но сейчас это было не главным.

— Я Илара, — продолжила я. — Сегодня мне передали этот дом. Я не знала, что здесь кто-то есть.

Он молчал.

Я поставила кочергу на пол подальше от себя и показала пустую ладонь. Потом развернула свёрток Торна и положила кусок хлеба на нижнюю ступеньку, не протягивая прямо ему, чтобы не напугать.

— Я не буду заставлять тебя выходить, если ты не хочешь. Но там, у камина, теплее.

Мальчик посмотрел на хлеб, потом снова на меня. Крылья за его спиной едва заметно дрогнули. Одно было прижато плотно, другое висело чуть ниже, будто ему было больно его держать. Я заметила это и заставила себя не смотреть слишком пристально. Если он привык прятаться, мой взгляд мог показаться угрозой.

— Ты одна? — спросил он наконец.

Голос был тихий, хриловатый, но совсем не тот детский плач, который я слышала у Ледяного зала. Или я просто не могла понять, откуда до меня дошёл тот звук.

— Сейчас да.

— А он?

— Кто?

Мальчик чуть сильнее сжал игрушку.

— Морозный.

Мне не понадобилось уточнять. Даже ребёнок в тайнике

под лестницей знал Каэла Морнхольда.

— Он не здесь, — сказала я. — И я не привезла его с собой.

— Но дом был его.

— Теперь дом мой.

Мальчик недоверчиво посмотрел на ключ в моей руке.

— Дом не бывает чей-то из-за бумаги.

— Согласна, — ответила я после короткой паузы. — Но иногда бумага помогает выгнать тех, кто считает, что всё принадлежит только им.

Он нахмурился, обдумывая мои слова. В этом маленьком лице было столько осторожности, что у меня сжалось внутри. Ребёнок не должен смотреть так на каждого взрослого. Ребёнок не должен прятаться за завалом, проверять шаги, молчать и решать, можно ли взять хлеб.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Он не ответил.

Я кивнула, принимая молчание.

— Хорошо. Не говори, если не хочешь.

Он снова перевёл взгляд на хлеб. Я отодвинулась чуть дальше, чтобы ему было проще. Несколько секунд ничего не происходило. Потом из темноты медленно вытянулась маленькая рука, схватила кусок и тут же исчезла обратно. Мальчик не стал есть сразу. Сначала понюхал, потом отломил совсем немного, как будто берег каждый крошечный кусочек.

Я сидела на холодном полу и ждала.

За окнами шумела метель. В камине потрескивал огонь. Где-то в глубине дома тихо хлопнула ставня, но уже не резко, а почти успокаивающе. Дом Семи Крылец будто замер вместе со мной, стараясь не спугнуть ребёнка.

— Ты новая хозяйка? — спросил мальчик через некоторое время.

— Похоже на то.

— Хозяйки всегда сначала говорят тихо.

Я не сразу нашла ответ.

— А потом?

Он поднял глаза. В них не было слёз. Только усталое знание, слишком тяжёлое для такого маленького лица.

— Потом считают нас лишними.

Слово ударило сильнее, чем я ожидала.

Лишняя жена. Лишний дом. Лишний ребёнок. В этом мире, кажется, очень любили убирать всё неудобное в сторону и называть это порядком.

— Я сегодня сама была лишней, — сказала я. — Так что, наверное, нам с тобой есть о чём поговорить.

Мальчик смотрел на меня долго. Потом вдруг спросил:

— Вы тоже прятались?

Я вспомнила Ледяной зал, высокие спинки кресел, чужие взгляды, собственное желание исчезнуть хотя бы на миг. Вспомнила прежнюю Илару, которая годами прятала боль за правильной осанкой.

— Да, — ответила я честно. — Только не так хорошо, как ты.

Он почти улыбнулся. Почти — но тут же спрятал это выражение, будто улыбка могла выдать его слабость.

Я осторожно подвинула свечу ближе к дверце, чтобы свет не бил ему в глаза.

— Там у камина есть ещё немного еды. И тепло. Я не буду тебя трогать. Не буду спрашивать больше, чем ты готов сказать. Но мне нужно знать одно: в доме есть кто-то ещё?

Мальчик замер.

Это было ответом.

Я не стала торопить. Даже дыхание постаралась сделать тише. Через несколько секунд где-то наверху очень слабо скрипнула доска. Потом другая. Теперь я уже не могла убедить себя, что это ветер.

Мальчик услышал тоже. Его крылья дёрнулись, и он подался вперёд, будто хотел закрыть собой весь дом.

— Не зовите их, — прошептал он. — Они не выйдут.

— Я не буду.

— И не говорите Морозному.

— Не скажу.

— Все так говорят.

— Я понимаю.

— Нет, — резко сказал он и впервые посмотрел на меня почти зло. — Взрослые не понимают. Они обещают, пока им нужно, чтобы мы открыли дверь. А потом приходят

другие. С верёвками. С книгами. С печатями. И говорят, что так правильно.

Я не знала, какие книги и печати он имел в виду, но кожа на руках похолодела не от ветра. Перед глазами вспыхнула серебряная линия в Ледяном зале, которая запомнила слова Каэла. Печати здесь были не украшением. И документы, возможно, решали не только судьбу домов.

— Я не пришла за вами, — сказала я. — Я вообще не знала о вас до этой минуты.

— Тогда зачем пришли?

Я усмехнулась устало, почти без радости.

— Потому что меня развели с мужем и отдали мне этот дом, надеясь, что я здесь не справлюсь.

Он моргнул. Кажется, такой причины он не ожидал.

— Вас выгнали?

— Можно сказать и так.

— И нас выгнали.

Он сказал это тише, чем всё остальное.

В доме снова что-то скрипнуло. На этот раз не тревожно, а глубоко, будто старые стены подтверждали его слова.

Я посмотрела на маленького драконёнка под лестницей и вдруг поняла: мой развод закончился час назад, но настоящая история началась только сейчас. Не в Ледяном зале, не перед Советом, не под холодным взглядом Каэла. Здесь. На пыльном полу старого приюта, рядом с ребёнком, которого кто-то оставил в доме, признанном ненужным.

— Как тебя зовут? — снова спросила я, уже не настаивая, а предлагая ему самому решить.

Мальчик медленно опустил взгляд на хлеб. Потом на ключ. Потом на свет, который тонкой ниткой проступил на дверце рядом с моей рукой.

— Риль, — сказал он наконец. — Только вы не записывайте.

— Не буду.

— И не отдавайте нас.

— Я не знаю всех ваших бед, Риль. И не буду обещать того, чего пока не умею выполнить. Но сегодня ночью я никого из этого дома не отдам.

Он молчал, будто проверял каждое слово на прочность.

Потом за его спиной послышался едва заметный шорох. Не от крыльев. Дальше, глубже в тайнике или, может быть, за стеной. Я увидела в темноте ещё один блеск глаз — совсем низко, почти у пола.

Значит, он был не один.

Риль заметил, куда я смотрю, и мгновенно напрягся.

— Не смотрите туда.

Я послушно отвела взгляд.

— Хорошо.

Он долго дышал тихо и часто, как зверёк, готовый броситься или спрятаться ещё глубже. Потом, видимо, решил, что я выдержала первую проверку. Медленно, очень медленно он выбрался из-под лестницы. Одеяло волочилось за ним,

одно крыло было прижато к спине, второе он старался держать так, чтобы я не видела его полностью.

На свету мальчик оказался ещё худее. Вещи на нём были велики, рукава закрывали ладони, на воротах не хватало завязки. Он сделал два шага, остановился у хлеба и посмотрел на меня снизу вверх.

— Вы пришли нас выгнать? — спросил он.

Я слышала в этом вопросе не только страх. Там была привычка к ответу, который он уже знал заранее.

Я медленно покачала головой.

— Нет, Риль. Я пришла домой.

И в ту же секунду где-то над нами, под самой крышей, один за другим зажглись семь маленьких тёплых огней.

Глава 3. Пятеро под чужой крышей

Семь огней под крышей горели недолго.

Они вспыхнули один за другим — тёплые, янтарные, совсем не похожие на холодное сияние Ледяного зала, — и на несколько мгновений старый приют перестал казаться заброшенным. Свет проступил в щелях между досками, за дверями второго этажа, где я видела вырезанные и изуродованные имена, в узких оконцах под самой крышей. Дом будто вспомнил, что когда-то по вечерам в нём не прятались, а ждали ужина, спорили из-за мест у огня, таскали одеяла по коридорам и шептались после отбоя.

Потом огни погасли.

В зале снова остались только огонь в камине, свеча на нижней ступеньке и мальчик с маленькими драконьими крыльями, который смотрел на меня так, будто я могла одним словом разрушить хрупкое перемирие между нами.

Риль не улыбнулся. Даже после моих слов. Особенно после них.

— Дом не ваш, — сказал он тихо.

Я всё ещё сидела на полу перед узкой дверцей под лестницей, чувствуя холод досок через платье. Свеча дрожала у ступени, рисуя на стене наши неровные тени. У Рили тень получалась странной: маленькое худое тело и за спиной — два острых крыла, одно выше, другое ниже. От этого он ка-

зался не сказочным существом, а ребёнком, который слишком долго пытался стать меньше, чем был на самом деле.

— Бумаги Совета говорят иначе, — ответила я.

— Бумаги всегда говорят за взрослых.

— Не всегда за тех, кто прав.

Он нахмурился, но не спорил. Кажется, этот ответ сбил его с привычной дороги. Ребёнок, который жил в тайнике под лестницей, явно знал слишком много о приказах, бумагах и печатях, но слишком мало о взрослых, которые готовы признать: документ может быть несправедливым.

Где-то в глубине тайника снова шевельнулись.

Я не посмотрела туда. Риль предупредил — не смотреть. И если уж я хотела, чтобы мне хоть немного поверили, начинать следовало с самого простого: не делать того, что пугает.

— Там у камина теплее, — сказала я, глядя не в тайник, а на Рилья. — Я могу отойти первой. Вы выйдете, когда захотите. Или не выйдете. Но огонь скоро погаснет, если я не найду ещё щепок.

При слове “огонь” из темноты за Рилем раздался короткий, сдавленный звук. Не плач. Скорее испуганный вдох, сразу спрятанный ладонью.

Риль резко обернулся.

— Тихо, Оши.

Значит, там был ещё один ребёнок. И он боялся огня.

Я сделала вид, что не заметила, как внутри всё сжалось. Один ребёнок под лестницей — уже беда. Двое — уже исто-

рия, в которую кто-то слишком долго не хотел вмешиваться. Но огни под крышей зажглись не два раза. Их было семь. А значит, дом либо показывал свои крылья, либо считал тех, кто прятался внутри, иначе, чем я.

— Огонь останется в камине, — сказала я осторожно. — Я не буду подносить свечу ближе. И никто не обязан подходить к нему, если не хочет.

— Вы не знаете, как он кусается, — прошептал тот, кого Риль назвал Оши.

Голос был тонкий, совсем детский. Из темноты показалась макушка — светлые волосы, спутанные и коротко обранные, потом испуганные глаза. Мальчик был младше Риль, может быть, лет пяти. Он выглянул всего на секунду и тут же спрятался обратно, но я успела заметить: крылышки у него были маленькие, почти прозрачные у краёв, как тонкая слюда, и дрожали даже сильнее, чем голос.

— Я действительно не знаю, — призналась я. — Но могу научиться держать его спокойно. Сегодня мне тоже многое пришлось узнавать впервые.

Риль смотрел на меня с подозрением.

— Взрослые не учатся. Они приказывают.

— Тогда, возможно, я плохой взрослый.

Из тайника кто-то тихо фыркнул.

Не Риль и не Оши. Голос был девчачий, короткий, колючий.

— Плохие взрослые тоже так говорят, когда хотят казаться-

ся хорошими.

— Нивка, — шепнул Риль предупреждающе.

— Что Нивка? — в ответ так же шёпотом, но с явным вызовом сказала девочка. — Она стоит у нашей двери с ключом. Значит, всё равно уже нашла. Можно не делать вид, будто нас нет.

Я услышала возню, недовольный вздох и лёгкий стук, словно кто-то задел плечом деревянную стенку. Потом из тайника вылезла девочка лет восьми или девяти. Нивка была худой, остроносой, с тёмно-рыжими волосами, которые торчали во все стороны, будто она сама подрезала их ножом или обломком стекла. За спиной у неё раскрывались небольшие крылья цвета потемневшей меди. Одно было обмотано полоской ткани — не аккуратно, но крепко. Девочка двигалась так, словно нарочно занимала больше места, чем ей полагалось: подбородок вверх, плечи разведены, взгляд прямой и злой.

Она встала между мной и дверцей, хотя была ниже меня даже сидящей.

— Если вы пришли за Рилем, сначала попробуйте пройти через меня.

Риль поморщился.

— Нивка.

— Молчи. Ты и так слишком много сказал.

— Ты сама вышла.

— Потому что ты бы поверил первой же взрослой, кото-

рая сказала “домой”.

Он отвернулся, сжав губы. Удар попал точно. Я увидела, как напряглась его спина, как больное крыло чуть опустилось ниже. Нивка тоже увидела — и мгновенно пожалела, но гордость не позволила ей взять слова обратно. Она только встала твёрже, будто теперь обязана защищать всех сразу, даже от собственной резкости.

— Я не пришла за Рилем, — сказала я. — И не пришла за тобой.

— А за кем?

— За домом.

— Дом наш.

Вот оно. В её голосе прозвучало то, чего не было даже в словах Совета: право, добытое не бумагой, а страхом, ночами, холодом, тайниками и привычкой просыпаться от каждого чужого шага.

Я не стала спорить.

— Хорошо, — сказала я. — Значит, мы под одной крышей.

Нивка прищурилась.

— Ненадолго.

— Это зависит не только от меня.

— Конечно. Завтра придут те, кто всё решает. Они всегда приходят утром, когда думают, что дети сонные и не успеют спрятаться.

Я запомнила это. Не спросила сразу, кто “они”, потому

что лицо девочки стало слишком закрытым. Вопрос сейчас превратился бы в допрос, а мне не нужен был допрос. Мне нужно было, чтобы пятеро испуганных детей пережили эту ночь в тепле, если я смогу добыть тепло.

Пятеро.

Я ещё не видела всех, но теперь уже почти не сомневалась.

Из тайника донёсся мягкий стук дерева о дерево. Потом ещё один. Размеренный, осторожный, будто кто-то не просто выбирался наружу, а по пути что-то поправлял. Нивка оглянулась и недовольно зашипела:

— Тарен, не сейчас.

— Петля болтается, — ответил мальчишеский голос. — Если оставить, дверца утром провиснет. Потом она будет скрипеть.

— Пусть скрипит.

— Тогда нас услышат.

— Нас уже слышали!

— Не надо кричать, — очень спокойно сказал тот же голос.

Следующим вышел мальчик постарше Риля, лет девяти, может быть, десяти. Тарен был тонким, длинноруким, с серыми волосами, которые падали на глаза, и сосредоточенным лицом маленького мастера. В одной руке он держал ржавый гвоздь, в другой — плоский камешек, которым, видимо, пользовался вместо молотка. Его крылья были тёмно-синими, почти чёрными, и сложены так аккуратно, будто

даже в тесном тайнике он следил, чтобы не задеть ими стены.

Он не посмотрел на меня сразу. Сначала наклонился к дверце, потрогал петлю, прижал её пальцами, вставил гвоздь в расшатавшееся отверстие и несколькими точными ударами камешка закрепил так, что дверца перестала висеть криво.

Только после этого поднял глаза.

— Вы ключом открыли, — сказал он.

— Да.

— А раньше она без ключа открывалась, если нажать вот сюда.

Он показал на едва заметную вмятину в резном крыле.

— Теперь уже нет. Замок проснулся.

Я невольно посмотрела на ключ. Он лежал у меня на ладони тихо, но в металле будто сохранялось тепло от дома. Замок проснулся. Не сломался, не открылся, не заработал. Именно проснулся.

— Это плохо? — спросила я.

Тарен пожал плечами.

— Смотря кто будет открывать.

Нивка толкнула его локтем.

— Не рассказывай ей.

— Она уже открыла, — резонно ответил он. — Если бы дом не хотел, она бы до сих пор стояла на крыльце.

Нивка сердито засопела, но возразить не смогла.

Из тайника выглянул Оши. Он смотрел не на меня, а в сторону залы, где потрескивал камин. Его маленькое лицо

было очень бледным. Я осторожно поднялась с пола, стараясь не делать резких движений. Колени затекли, спина ныла от тяжелого платья, но сейчас это было неважно.

— Оши, — сказала я. — В общей зале огонь маленький. Я могу загородить его лавкой, если тебе так будет спокойнее. Можно сидеть у стены, где только тепло, но не видно пламени.

Он не ответил. Только вцепился в край одеяла.

— Ему нельзя близко, — сказала Нивка. — Он потом всю ночь не спит.

— Тогда не будет близко.

— Вы всё равно не знаете, где безопасно.

— Не знаю, — согласилась я. — Покажешь?

Она открыла рот, готовая спорить дальше, но мой вопрос оказался для неё неудобным. Я не отнимала у неё право защищать. Я просила помочь. Девочка насторожилась сильнее, потому что такая просьба была опаснее приказа: от приказа можно отказаться, а от возможности быть нужной — не так просто.

— У дальней стены, — сказала она наконец. — Там не дует и не видно камин, если поставить лавку боком.

— Хорошо. Поставим.

— Лавка тяжёлая.

— Значит, я попробую, а если не справлюсь, попрошу помощи. Не приказом.

Тарен посмотрел на меня внимательнее, чем прежде. Риль

молчал. Оши всё ещё прятался наполовину. А Нивка, кажется, пыталась понять, не издеваюсь ли я.

В этот момент из темноты тайника донёсся последний голос.

— Она правда не кричит.

Голос был совсем маленький, девичий, сонный и ясный. За Рилем, Нивкой, Тареном и Оши показалась пятая фигурка. Девочка лет четырёх, может быть, пяти. Круглолицая, с тёмными кудрями, в чужой вязаной кофте до колен. За её спиной виднелись крошечные белые крылышки, мягкие на вид, как лепестки. В руках она держала кусок ткани, на котором были вышиты те же семь крыльев, только нитки давно выцвели.

— Майра, назад, — сразу сказала Нивка.

— Я хочу посмотреть.

— Посмотрела. Назад.

Майра не послушалась. Она сделала шаг вперёд, потом ещё один, остановилась рядом с Рилем и подняла на меня глаза. В её взгляде не было Нивкиной злости, Рилевой настороженности, Тареновой осторожной оценки или Ошиного страха перед огнём. Она смотрела так, будто пыталась вспомнить меня. Не узнать — именно вспомнить.

— Ты не та хозяйка, — сказала она.

В прихожей стало совсем тихо.

Нивка резко побледнела.

— Майра!

— Что? — девочка моргнула. — Не та. У той голос был как закрытая дверь. А у этой как снег, когда он ещё не упал.

Я не знала, что на это ответить. И не только потому, что сравнение было странным. Майра сказала слишком много для ребёнка, который, по словам плана этого мира, вообще не должен был здесь быть. Не та хозяйка. Значит, она помнила прежнюю. Или слышала. Или дом помнил за неё.

— А ты помнишь прежнюю хозяйку? — спросила я мягко. Нивка шагнула вперёд.

— Она ничего не помнит.

Майра посмотрела на неё с детским упрямством.

— Помню песню.

— Молчи.

— Дом сам её поёт, когда сильно мёрзнет.

Нивка сжала кулаки, но не стала закрывать Майре рот. Риль, наоборот, отвернулся к лестнице, будто эти слова ему были неприятны или страшны. Тарен прислушался к стенам. Оши спрятался за его спину.

Я не стала спрашивать про песню сейчас. Слишком много секретов высыпалось за несколько минут, и если начать хватать их жадно, дети снова захлопнутся, как та дверца под лестницей.

— Значит, нас пятеро, — сказала я вместо этого.

Нивка резко подняла подбородок.

— Нас не считают.

— Я считаю.

— Не надо.

— Тогда скажу иначе. Сейчас здесь ты, Риль, Тарен, Оши, Майра и я. И если мы хотим дожить до утра без того, чтобы замёрзнуть или поссориться окончательно, нам нужно решить несколько простых вещей.

— Вы будете нами командовать? — спросила Нивка.

— Нет. Я буду предлагать. Ты будешь спорить. Риль будет молчать и смотреть, стоит ли мне доверять. Тарен будет проверять, не разваливается ли то, что мы трогаем. Оши сядет там, где ему не страшно от огня. Майра, наверное, всё равно сделает по-своему. А дом, судя по всему, будет скрипеть, если мы сделаем глупость.

Майра тихо хихикнула.

Это был маленький звук, но он изменил прихожую. Дом будто услышал его и ответил слабым тёплым шорохом где-то в стенах. Нивка нахмурилась, но уже не так зло. Тарен осторожно провёл ладонью по перилам, которые днём едва не подвели меня, и тут же сказал:

— Эту ступень нельзя трогать. Она держится на честном слове.

— На каком? — спросила Майра.

— На очень старом.

— Тогда оно устало.

— Вот именно.

Я чуть не рассмеялась, но сдержалась. Смех мог обидеть Тарена, а он говорил серьёзно. Вместо этого кивнула.

— Значит, лестницу пока не используем без необходимости. Ночуем внизу.

— Мы не ночуем в зале, — сказала Нивка. — Там окна.

— Окна я видела. Их надо чем-то закрыть.

— Нечем.

— Посмотрим.

— Смотреть можно сколько угодно. От этого доски не появятся.

— Зато могут найтись занавеси, ковры, старые двери, ящики или что-то ещё, чем можно перекрыть щели хотя бы на ночь.

Тарен задумался.

— В кладовой за кухней были доски. Не хорошие. Но если их не забрали.

— Почему ты сразу не сказал? — возмутилась Нивка.

— Потому что ты сказала не рассказывать.

Нивка смерила его таким взглядом, что он спокойно отступил на полшага и добавил:

— Теперь ситуация изменилась.

— Какая ещё ситуация?

— У нас есть взрослая с ключом и правом на дом. Если её до утра унесёт ветром, право на дом опять заберут те, кто придёт с бумагами.

Нивка замолчала.

Вот так просто Тарен вслух сказал то, что я сама ещё не успела до конца обдумать. Если я уйду, дети останутся без

единственного человека, который — пусть случайно, пусть по чужому решению — получил законное право стоять между ними и родом Морнхольд, Советом или кем-то ещё. Я не знала, насколько это право крепкое, но в Ледяном зале серебряная линия на стене вспыхнула, когда Каэл подтвердил отказ от обратного права. Значит, дом и кто-то выше бумаги это слышали.

— Я не собираюсь, чтобы меня унесло ветром, — сказала я. — Но для этого нам правда нужны доски.

Нивка смотрела на меня, как на задачу, которую не хотела решать.

— Вы не уйдёте ночью?

— Нет.

— Даже если мы не скажем, кто мы?

— Даже тогда.

— Даже если утром придут и скажут, что мы опасные?

Слово “опасные” прозвучало слишком привычно. Не как детская выдумка, а как чужой приговор, повторённый много раз. Оши за спиной Тарена сжался. Риль опустил голову. Майра прижала к груди ткань с семью крыльями.

— Я сама решу, кому верить утром, — ответила я. — И точно не стану верить тем, кто заранее называет детей опасными, не дав им сказать ни слова.

Нивка долго молчала. Потом отвернулась первой.

— Кладовая за кухней.

Это было не доверие. Но это было начало.

Мы перешли в общую залу почти торжественной процессией, хотя со стороны это, наверное, выглядело жалко: бывшая жена дракона в грязном после дороги белом платье, пятеро детей с крыльями, свеча, кочерга и дом, который сопровождал каждый наш шаг скрипами. Риль шёл первым, но держался у стены. Нивка вела Майру за руку и то и дело оглядывалась на меня. Тарен по пути проверял всё, что попадалось под руку: дверной косяк, лавку, трещину в полу. Оши шёл последним и старался не смотреть на камин.

В зале огонь немного разгорелся. Не ярко, но достаточно, чтобы было видно столы, лавки, пустой каминный выступ с игрушкой и наши тени на стенах.

Майра вдруг остановилась.

— Лошадка вернулась.

Риль резко посмотрел на каминную полку.

Там стояла деревянная фигурка, которую я поднимала раньше. В руках у Рили была почти такая же, но не совсем. Его лошадка была темнее, с вырезанной зарубкой на боку. Та, что стояла на полке, была без колеса и с одним крылом, сколотым у самого края.

— Я нашла её на полу, — сказала я. — Поставила туда, чтобы не сломать окончательно.

— Это не лошадка, — тихо произнесла Майра. — Это крыльчатка.

— Кто?

— Так называла хозяйка. Чтобы дети, которые ещё не ле-

тали, не забывали, что у них всё равно есть крылья.

Риль сжал свою игрушку.

Нивка нахмурилась, но не перебила. Даже она, кажется, боялась слов “так называла хозяйка”. Прежняя хозяйка Дома Семи Крылец становилась почти невидимой фигурой рядом с нами: то песня, то игрушка, то старое тепло в стенах. Я не знала, была ли это та самая прежняя Илара, чьи воспоминания во мне жили осколками, или кто-то задолго до неё. Но дом явно помнил женщин лучше, чем Совет.

— Тогда пусть крыльчатка стоит у огня, — сказала я. — Чтобы дом знал, что мы нашли её.

Майра кивнула с таким серьёзным видом, будто я выполнила важный обряд.

Кладовая за кухней открылась не сразу. Дверь перекосило, и Тарен, забыв о недоверии, тут же встал рядом со мной.

— Не тяните вверх. Сначала в сторону. Видите, низ застрял.

— Вижу теперь.

— Ногой не бейте. Рассыплется.

— Даже не собиралась.

— Взрослые всегда бьют ногой, если дверь не слушается.

— Я сегодня не в том положении, чтобы воевать с дверями. У меня всего одна нога в запасе и то не очень уверенная.

Он посмотрел на мои туфли. Потом на платье. Потом, кажется, решил, что это не шутка, а техническое описание проблемы.

— Тогда держите здесь.

Я послушно взялась за край двери. Тарен просунул между досками плоскую щепку, нажал, дёрнул снизу, и дверь со скрипом поддалась. Из кладовой пахнуло холодной пылью, сухой корой и старым полотном. Внутри обнаружились несколько коротких досок, свернутые рогожи, два мешка с чем-то лёгким и бесполезным, моток верёвки, треснувшее ведро и три полена, которые я восприняла почти как сокровище.

— Вот видишь, — сказала я Нивке. — Иногда смотреть полезно.

— Три полена не спасут дом.

— Дом — нет. Нас на одну ночь — возможно.

Она хотела ответить, но Оши вдруг тихо сказал:

— Если положить маленькое сверху, он не будет плевать-ся.

Мы все посмотрели на него. Мальчик тут же спрятался за Тарена.

— Огонь? — мягко уточнила я.

Он кивнул, не поднимая глаз.

— Большие куски злятся. Маленькие сначала шепчут.

Я не стала поправлять его. Для ребёнка, который боялся пламени, это был не каприз, а его способ объяснить мир. И если маленькие куски “шепчут”, значит, так и будем.

— Тогда ты скажешь мне издалека, как лучше положить, чтобы он шептал.

Оши не ответил, но и не отказался.

Мы таскали доски и рогожи в зал почти час. Я быстро поняла, что платье, в котором Илара явилась на развод, годилось для унижения перед Советом, но совершенно не годилось для выживания в старом приюте. Подол цеплялся за щепки, рукава мешали, корсаж не давал нормально наклоняться. Нивка пару раз смотрела на меня с явным удовольствием, когда я путалась в ткани, но потом всё же молча подала верёвку, чтобы подвязать подол выше.

— Не смейтесь, — предупредила она.

— Я и не собиралась.

— Собирались.

— Немного. Но не над тобой.

— А над кем?

— Над собой. У меня сегодня богатый день для глупого вида.

Нивка фыркнула, но отвернулась слишком быстро. Кажется, ей почти понравилось, что взрослая не пыталась выглядеть непогрешимой.

Мы закрыли самое разбитое окно рогожей, прижали её доской и укрепили верёвкой вокруг старого крюка. Тарен проверил узел и перевязал по-своему, не спрашивая разрешения. Второе окно затянули старым ковром, который я вытащила из-под лестницы. От него летела пыль, Майра чихнула три раза подряд, а дом в ответ где-то наверху коротко скрипнул, будто тоже пытался чихнуть, но стеснялся.

В зале стало темнее, зато ветер перестал гулять так свободно.

Оши устроили у дальней стены. Я поставила лавку боком, как советовала Нивка, и пламя камина исчезло из его прямого взгляда. Он сел на пол, закутавшись в серое одеяло, и внимательно следил за моими руками, пока я добавляла щепки в огонь.

— Так? — спросила я, кладя маленький сухой кусок сверху, как он сказал.

Оши кивнул.

— Он не злится.

— Хорошо.

— Но если зашипит, отойдите.

— Договорились.

Риль всё это время почти не говорил. Он помогал молча: поднимал доски, приносил верёвку, передавал Майре куски хлеба, но каждый раз, когда я пыталась поймать его взгляд, отворачивался. Кажется, для него мои слова значили меньше, чем то, как я двигаюсь по дому. Не хватаю ли детей за руки. Не кричу ли. Не требую ли имён. Не смотрю ли слишком долго на крылья.

Я старалась не ошибиться. Получалось не всегда. Один раз я слишком резко повернулась с доской в руках, Нивка отскочила и закрыла собой Майру так быстро, будто ждала удара. Я остановилась, опустила доску и сказала:

— Прости. Я не рассчитала.

Она не ответила.

Но через минуту снова подошла помогать.

Еда стала следующей проблемой.

Свёрток Торна на шестерых выглядел смешно. Краюшка хлеба, кусок сыра, оставшийся огарок свечи — всё. В кладовой не нашлось ничего съедобного. На кухне тоже. Пустые полки, ледяное ведро, одинокая кружка и пара треснувших мисок, которые Тарен признал “ещё живыми, если не ронять”.

Дети смотрели на хлеб так, что я сразу поняла: они голодны не первый день.

— Делим, — сказала я.

— Это ваше, — возразил Риль.

— Уже нет.

— Взрослые не отдают еду просто так.

— Значит, запишите за мной ещё одну странность.

— Мы не записываем, — буркнула Нивка.

— Тогда запомните.

Я разломилла хлеб на части. Сделать это честно оказалось сложнее, чем казалось: Майре хотелось дать больше, потому что она самая маленькая, Оши — потому что он дрожал у стены, Рилю — потому что у него болело крыло, Нивке — потому что она делала вид, будто ей не нужно, Тарену — потому что он таскал доски молча и упрямо. Себе оставлять не хотелось вовсе, но я понимала: если упаду от слабости, пользы от моей красивой самоотверженности не будет.

Поэтому я разделила как смогла.

Нивка тут же сунула половину своего куска Майре.

— Нет, — сказала я.

Она вскинула голову.

— Что?

— Не так. Если Майре мало, мы решим все вместе. Но ты не будешь оставаться голодной, чтобы доказать, что ты самая сильная.

— Я не доказываю.

— Доказываешь.

— Вы ничего не знаете.

— Верно. Но я вижу.

Мы смотрели друг на друга через маленький стол, на котором лежал жалкий ужин. Нивка сердито дышала, Майра переводила взгляд с неё на меня, Тарен делал вид, что изучает трещину в миске, Риль застыл с хлебом в руке.

— Она маленькая, — наконец сказала Нивка. — Ей надо.

— И тебе надо. Если ты упадёшь, кто будет ругаться со мной завтра?

Майра прыснула.

Нивка бросила на неё оскорблённый взгляд, но кусок хлеба всё-таки забрала обратно. Я отломила от своего немного и положила Майре. Девочка посмотрела на меня серьёзно.

— Ты тоже упадёшь.

— Постараюсь не сразу.

— Лучше не надо.

— Согласна.

Мы ели в тишине. Не уютной, нет. До уюта этому залу было очень далеко. Рогожи на окнах пропускали холод, камин дымил, в углах лежала пыль, крыша где-то наверху жалобно поскрипывала под снегом. Но это была уже не тишина заброшенного дома. В ней шуршали детские движения, потрескивал огонь, иногда звякала ложка о край миски, хотя в миске ничего не было. Майра села ближе к Рилю и начала тихо напевать себе под нос.

Мелодия была простой. Пять или шесть нот, повторяющихся мягко, словно кто-то когда-то укачивал под неё детей у огня. Слов я почти не разобрала, только обрывки: “крылышко”, “порог”, “свет не гасни”.

Дом слушал.

Я вдруг поняла это так ясно, будто стены наклонились к девочке. Камин горел ровнее, ставни перестали хлопать, даже ветер снаружи будто отступил на несколько шагов. Майра пела всё тише, а дом отвечал ей едва заметным теплом из-под пола.

— Откуда ты знаешь эту песню? — спросила я, когда она замолчала.

Майра пожала плечами.

— Она сама приходит.

— От дома?

— От стен. Иногда от лестницы. Иногда из комнаты с синим потолком.

— Нет никакой комнаты с синим потолком, — быстро сказала Нивка.

Тарен поднял глаза.

— Есть. Только дверь за шкафом закрыта.

— Тарен!

— Что? Она всё равно не найдёт без третьего ключа.

Я медленно положила свой кусок сыра на стол.

— Третьего ключа?

Тарен понял, что сказал лишнее, и тут же замолчал. Нивка выглядела так, будто готова прибить его взглядом к стене. Риль наконец поднял на меня глаза, и в них было предупреждение: не дави.

Я не стала.

— Хорошо, — сказала я. — Сегодня мы не ищем комнату с синим потолком. Сегодня мы закрываем окна, греемся и решаем, где кто спит.

Нивка недоверчиво прищурилась.

— Вы не спросите про ключ?

— Спрошу. Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что сейчас вы мне всё равно не ответите правду. А если начну вытягивать, вы снова уйдёте под лестницу. Мне не хочется искать вас по всему дому в темноте.

Оши тихо сказал из-за лавки:

— Там не только под лестницей.

Нивка закрыла лицо ладонью.

— Оши...

— Я не сказал где.

— Но почти!

— А она не спросила.

Я сделала вид, что рассматриваю камин.

— Совершенно верно. Я не спросила.

Снова этот маленький сдвиг в воздухе. Не доверие, но удивление. Дети привыкли, что взрослый, услышав щель в секрете, тут же лезет в неё обеими руками. Я не лезла. Не потому что не хотела знать. Хотела. Очень. Но знание, вырванное страхом, потом приходилось оплачивать молчанием.

Мы устроили спальные места из того, что было. Старый ковёр после окна уже не годился, но в кладовой нашлись рогажи и ещё два серых одеяла. Одно Нивка сразу отдала Майре и Оши. Второе Риль попытался положить у двери, чтобы спать там.

— Нет, — сказала я.

Он застыл.

— Почему?

— Потому что у двери холоднее всего.

— Я всегда сплю ближе к выходу.

— Чтобы первым услышать, если кто-то войдёт?

Он не ответил.

— Сегодня у двери буду я.

Нивка тут же вмешалась:

— Вы не умеете слушать дом.

— Зато у меня есть ключ, кочерга и отвратительный характер после развода.

Тарен тихо кашлянул. Похоже, это у него означало смех. Риль нахмурился.

— Если кто-то придёт, вы не успеете.

— Тогда ты разбудишь меня. Ты ведь всё равно не будешь спать крепко.

Он отвёл взгляд. Я попала в точку, и это было грустно. Дети не просто прятались. Они жили в постоянной готовности сорваться с места. У каждого была своя роль: Риль слушал, Нивка защищала, Тарен чинил, Оши предупреждал об огне, Майра помнила то, что дом хотел сохранить. Никто не должен был брать на себя такие обязанности в их возрасте. Но никто, судя по всему, не пришёл раньше и не сказал им этого.

В итоге Риль лёг не у двери, а у стены между залой и прихожей. Нивка устроилась так, чтобы закрывать Майру с одной стороны, а Оши — с другой. Тарен долго не ложился, пока не проверил завязки на окнах, угол лавки, поставленной для Оши, и петлю на двери под лестницу. Потом всё-таки сел на рогожу и начал ковырять гвоздём кусок дерева.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Щеколду.

— Сейчас?

— Утром забудут.

— Кто?

— Все, кто не я.

Я не нашла, что ответить. Он сказал это без жалобы, просто как факт. Ребёнок, который привык быть памятью чужой безопасности.

Я устроилась ближе к двери, подложив под спину свернутый плащ. Тело ныло от усталости. Платье стало грязным, рукава пахли пылью и дымом, волосы давно выбились из причёски. Где-то на запястьях всё ещё виднелись бледные следы от брачных браслетов. Я провела по ним пальцем и вдруг подумала, что за один день потеряла чужой брак, чужое имя и чужую жизнь, но приобрела старый дом, пятерых детей, один серебряный и долг, о котором пока знала только то, что он существует.

В Ледяном зале Каэл сказал: “Ты не понимаешь, что делаешь”.

Возможно, впервые за день я была с ним согласна.

Я действительно не понимала.

Но понимала другое: если утром сюда придут люди, которые уже однажды называли этих детей лишними, я не смогу сделать вид, что не знала о них. Не смогу закрыть дверь и уйти. Не смогу вернуть ключ тем, кто хотел, чтобы дом замёрз вместе со своими тайнами.

— Леди Илара? — тихо позвал Риль.

Я повернула голову. Он лежал на боку, лицом ко мне, но глаза его оставались открытыми. В полумраке они казались совсем тёмными.

— Да?

— Если вы уйдёте утром, не говорите им, где мы спим.

Нивка не шевельнулась, но я поняла, что она тоже не спит. Тарен перестал ковырять деревяшку. Оши за лавкой затих так резко, что даже его дыхание стало почти неслышным. Майра, кажется, спала, но пальцы её всё ещё сжимали ткань с семью крыльями.

Вот она, настоящая проверка.

Не красивые слова у камина. Не хлеб, поделенный на шестерых. Не обещание никого не отдавать в эту ночь. Риль спрашивал о завтрашнем утре. О том, что будет, когда станет светло, когда страхи снова обретут лица, имена, бумаги и право входить без стука.

— Я не уйду утром, — сказала я.

Он молчал.

— У меня почти нет денег, — продолжила я, потому что лгать детям было бы самым быстрым способом потерять всё, что едва начало складываться. — Я не знаю, чем платить за дрова. Не знаю, как чинить крышу. Не знаю, кто приходил сюда раньше и кто может прийти завтра. Не знаю, что с вашими именами, почему вы здесь и почему так боитесь Морозного. Но я знаю, что этот дом теперь записан за мной. И пока это так, я останусь.

Нивка приподнялась на локте.

— Даже если город скажет, что приют опасный?

— Особенно если город скажет это слишком быстро.

— Даже если Совет пришлёт бумагу?

— Тогда я сначала прочитаю бумагу. Всю. И мелкие строки тоже.

Тарен едва заметно кивнул, будто такой подход показался ему разумным.

— Даже если Морозный придёт? — спросил Риль.

Я вспомнила Каэла в Ледяном зале. Серые глаза, спокойный голос, его раздражённое “не усложняй”, запястья, на которых браслеты оставили следы. Боль прежней Илары снова шевельнулась во мне, но теперь рядом с ней жила не только обида. Теперь там были пятеро детей, старая лестница, остывающий камин и дом, который зажжёт огни, когда я сказала, что пришла домой.

— Если он придёт, — медленно произнесла я, — он будет стучать в мою дверь. И говорить со мной, а не через вас.

Риль закрыл глаза.

Не сразу. Сначала он ещё долго слушал дом, ветер, меня. Потом его ресницы дрогнули, и лицо впервые за всё время стало похоже на детское. Уставшее, худое, тревожное, но детское.

Нивка легла обратно, однако отвернулась так, чтобы я не видела её лица. Тарен положил недоделанную щеколду рядом с собой. Оши тихо попросил:

— Не давайте огню шипеть.

— Не дам.

— Если будет шипеть, разбудите меня.

— Хорошо.

Майра во сне вдруг напела два слова из своей песни:

— Свет... не гасни...

И камин, который уже почти угасал, вспыхнул ровнее, мягче, теплее.

Я не спала долго. Сидела у двери, прислушивалась к ветру и смотрела, как в доме, который все считали пустым, дышат пятеро детей. Иногда мне казалось, что стены тоже смотрят. Не глазами, конечно, а памятью. Проверяют, останусь ли я, когда станет страшно не словами, а делами.

Ближе к рассвету метель стихла.

Сначала я не поняла, почему проснулась резче. Огонь в камине опустился до красных углей, дети спали, дом стоял тихо. Слишком тихо после ночи, полной скрипов и шорохов.

Потом снаружи раздался звук.

Не ветер.

Не ставня.

Колокольчик над крыльцом.

Один слабый удар. Второй. Третий.

Риль сел мгновенно, без сонной растерянности. Нивка подхватила Майру и прижала к себе. Тарен схватил недоделанную щеколду, как оружие. Оши закрыл уши ладонями.

Я поднялась, взяла ключ и кочергу и подошла к двери.

Через щель между досками окна я увидела на крыльце не человека. Только свежий след на снегу и тёмную дощечку, прибитую к двери снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.